

О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме

Захарцев С. И.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права
МГУТУ им. К. Г. Разумовского
e-mail: Sergeyivz@yandex.ru

Сальников В. П.,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
e-mail: Fonduniver@bk.ru

Аннотация. Авторы — одни из первых ученых, посвятивших свои труды правовому прогрессу и его содержанию. Правовой прогресс рассмотрен с философских и философско-правовых позиций. На основе проведенных исследований авторами формулируются критерии правового прогресса.

Ключевые слова: философия, философия права, теория права, прогресс, правовой прогресс.

Правовой прогресс является малоизученной проблемой для философии права. Изучению этого феномена было посвящено очень мало работ. Более того, некоторые специалисты ставят под сомнение саму возможность рассуждать о правовом прогрессе.

В философии прогресс в самом общем смысле обычно понимается как развитие от низшего к высшему¹. Такое понимание прогресса достаточно давно получило распространение и в толковых словарях. Например, В. И. Даль прогресс определял как умственное и нравственное движение вперед². В современных словарях под прогрессом понимаются переход на более высокую ступень в развитии, движение вперед, изменение к лучшему, улучшение³.

При таком подходе прогресс выступает составляющей диалектики. В основе диалектики лежат развитие, приращение знаний, движение вперед, что и является прогрессом. Факт того, что прогресс неразрывно связан с регрессом, лишь подчеркивает его диалектичность как результат единства и борьбы противоположностей. Для понимания и осознания такого прогресса важна точка отсчета, от которой начинается измерение по принципу: «что было» и «как затем стало». Отсюда можно выделить и основные свойства прогресса: относительность и конкретность. Н. И. Кареев писал: «Нет ничего абсолютно совершенного. Есть только именно такие относительные и сравнитель-

ные совершенства, а мы их можем расположить в известном порядке... по степени их удаления от несовершенного и приближения к совершенному с нашей точки зрения... Применяя этот идеальный порядок к последовательности исторических фактов, мы оцениваем ход истории как совпадающий или несовпадающий с этим идеальным порядком, то есть как прогрессивный или регрессивный, и, подводя общий итог, высказываем свой суд над целым действительной истории, определяем его смысл»⁴.

Прогресс возможен, судя по всему, в любой системе. Даже если система константна и, казалось бы, не изменяется, такое состояние покоя в историческом отрезке можно оценить как прогрессивное или, напротив, регрессивное. Ведь состоянию покоя предшествовали зарождение, движение, совершенствование. Состояние же покоя в более длинном историческом отрезке может выглядеть как застой, а может и как фундамент для дальнейшего движения.

В целом нашему миру, бытию свойственно меняться и развиваться⁵. Это видно и в окружающей нас природе, и в продуктах человеческой деятельности, например технике, и в общественной жизни. Наконец, это ощутимо и в сознании человека. Сознанию человека, на наш взгляд, объективно свойственна неудовлетворенность

¹ *Progressus* — движение вперед, успех (лат.)

² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2007. Т. 3. С. 478.

³ См., напр.: Толковый словарь русского языка / А. Е. Баканьков, И. М. Гайдукевич, П. П. Шуба. Мн., 2000. С. 281.

⁴ Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса: Собр. соч. СПб., 1912. Т. I. История с философской точки зрения. С. 122–123.

⁵ А. Уайтхед верно заметил, что у человечества есть только два пути: или прогресс, или деградация; консерватизм в чистом виде противоречит сути законов Вселенной.

достигнутым⁶. Вслед за реализацией, казалось бы, самых сокровенных желаний наступает временный покой, а далее вновь следуют позывы к движению вперед. И это свойственно не только амбициозным и целеустремленным, но и вроде бы самоуспокоившимся самодостаточным людям. Отсутствие позывов к развитию, движению вперед влечет деградацию человека⁷.

Явления прогресса-регресса присутствуют во всех областях бытия, главное — правильно выбрать ту самую точку отсчета и временной интервал. В связи с этим можно выделить бесчисленное множество прогрессов: технический прогресс, умственный прогресс, нравственный прогресс, экономический прогресс и т. д. и т. п. В свою очередь, такие виды прогресса можно диалектически укрупнять или, напротив, разделять. Например, в техническом прогрессе можно выделить прогресс в области машиностроения, самолетостроения, кораблестроения и т. д. В экономическом прогрессе — прогресс в развитии банковского дела и др. Если смотреть с обратной стороны, прогресс в изучении ядерной физики является составляющей прогресса в физике в целом и далее — научного прогресса.

Здесь отметим, что мы не связываем прогресс исключительно с активной, подчас революционной деятельностью человека по постижению новых научных тайн, достижению новых высот и т. д. Думается, не надо доказывать то, что движение и развитие материального мира, природы, сознания идут и эволюционным путем.

Очевидная сложность заключается в определении критериев прогресса. Ведь даже названные виды прогресса очень не похожи друг на друга, и, соответственно, кардинально различны критерии их оценок.

В научной и учебной литературе встречались попытки определения общего, универсального критерия прогресса. Нам наиболее понравился подход, связанный с уяснением такого критерия через системно-структурный научный метод. Если оценивать прогресс в каком-либо явлении бытия или процессе системно-структурно, то в общий, универсальный критерий прогресса включаются следующие признаки:

- увеличение степени дифференцированности (разнообразия) системы, сопряженное с интегрированностью ее частей, компонентов;
- усиление мобильности, эффективности и надежности материальных систем, увеличение их способности преодолевать противоречия;
- воспроизведение в расширяющихся мас-

штабах основных функций системы;

- рост автономности системы по отношению к внешним условиям;
- усиление степени организации, степени целостности системы⁸.

Вместе с тем и такой подход не может удовлетворить все запросы. Очевидно, что он все же не полностью применим к оценке социальных явлений, даже если рассматривать их как систему. И особенно не применим к прогрессу в сознании и умственному прогрессу, над познанием которого бились многие поколения философов.

Таким образом, проблему определения общего, универсального критерия прогресса философия и наука пока не решили. Это заставляет искать критерии прогресса непосредственно для каждого из его видов⁹.

При этом нас, естественно, в первую очередь интересует прогресс в юриспруденции, или правовой прогресс, который, как нам кажется, относится к научному ведению философии права.

Здесь уместно задать вопрос: существует ли правовой прогресс? Ответ на такой вопрос должен быть положительным. С развитием человека совершенствуются и право, правовая регламентация его деятельности. Так, современное гражданское право во многом базируется на римском праве, однако значительно ушло от него вперед по регламентации конкретных видов деятельности. В уголовном праве обоснованы и введены понятия состава преступления, его элементов, установлены сроки давности привлечения к ответственности, признаны недопустимыми телесные наказания и т. д. В уголовно-процессуальном праве отменены такие виды установления истины, как поединок, испытания, пытка¹⁰. То есть правовой прогресс налицо.

Вместе с тем это явление философией права подробно не изучалось. В связи с этим в своих исследованиях мы будем отталкиваться от философского понимания прогресса в целом, на основе чего логично обратимся и к его правовой составляющей.

Правовой прогресс следует определить как переход на более высокий уровень развития права, улучшение правовой регламентации.

Первоначально нам хотелось связать правовой прогресс исключительно с **качественным** улучшением правовой регламентации. Нам казалось, что качественность изменений является ключевым понятием, фиксирующим переход

⁸ См., напр.: Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. С. 492.

⁹ Заслуживает внимания и высокой оценки труд ученых С. М. Поповой, С. М. Шахрая и А. А. Яника, попытавшихся провести измерения прогресса в экономической сфере жизнедеятельности. См.: Измерения прогресса. М., 2010.

¹⁰ Ф. Искандер с юмором заметил: «Прогресс, друзья, это когда еще убивают, но уже не отрезают ушей».

⁶ Э. Ауэрбаху приписывают расхожее выражение: неудовлетворенность — источник не только страданий, но и прогресса в жизни отдельных людей и целых народов.

⁷ Кто не идет вперед, тот идет назад: стоячего положения нет (авторство выражения приписывается В. Г. Белинскому).

от одного состояния в другое. И такая точка зрения в принципе была неплохо обоснована. Вместе с тем обобщив и заново осмыслив эмпирический материал, мы отказались от такого подхода. Например, в результате научных работ происходит уточнение какого-либо понятия в законе. Казалось бы, мелочь, однако такое улучшение — даже незначительное! — позволяет лучше понять правовую норму, избежать ошибки в ее применении. Это разве не прогресс? Подобное уточнение в данном случае не связано с глобальным улучшением, не влечет качественных позитивных изменений, но все равно это движение вперед. А значит — прогрессивное движение! Кроме того, всем известен пример о значении запятой в выражении: «казнить нельзя помиловать». Всегда ли мы до конца понимаем значение внесенных изменений в правовые нормы? Всегда ли их можно точно просчитать? Наверное, нет. Поэтому позитивные изменения в правовой регламентации и есть прогрессивное движение, правовой прогресс.

Основными свойствами правового прогресса являются:

- относительность;
- конкретность.

Относительность прогресса заключается в определении предмета (явления, процесса, действия и т. д.), по отношению к которому оценивается прогресс. Например, в СССР не имелось широкого доступа к мировой правовой мысли. А если доступ и случался, то правовые идеи рассматривались исключительно через призму критики. В настоящее время любой специалист имеет свободный доступ к любым книгам о праве, имеет возможность высказать по ним свою оценку и не будет подвергнут за это осуждению и тем более репрессиям. То есть относительно СССР в России в части юридической науки, доступа к праву правовой прогресс налицо.

Исходя из этого, можно утверждать, что прогресс не является научной абстракцией, он всегда конкретен. Выявление прогресса подразумевает конкретику, четкий и понятный результат. В частности, открытие значения отпечатков пальцев позволило с начала XX в. активно использовать их в раскрытии преступлений, чего объективно не было в предыдущий период. А если сравнивать криминалистические средства начала XX в. с современными возможностями криминалистики, то опять же очевидно прогрессивное развитие.

Как и для прогресса в целом, прогресс в одном компоненте правового регулирования подчас влечет движение назад в другом. Такие движения происходят взаимосвязанно, взаимозависимо и системно. Рассмотрение права как системы норм позволяет оценить правовой прогресс через призму системно-структурного подхода.

В этом случае, возвращаясь к вышеизложен-

ному, правовой прогресс будет характеризоваться уровнем автономности правовой системы по отношению к внешним условиям, увеличением способности преодолевать внутренние противоречия, улучшением степени организации и целостности системы. Говорить о полной автономности права в современном мировом развитии, конечно, не следует. Право, как и любое другое социальное явление, достаточно зависимо от внешних условий. Например, смена государственного курса, политического режима неизбежно влечет изменения в законодательстве. Об автономности правовой системы можно говорить в контексте того, чтобы право даже при неизбежных изменениях выполняло функцию осуществления правосудия, защиты человека от противоправных посягательств, обеспечения законности в государстве, уважения свобод человека и его достоинства. То есть даже при существенных изменениях государства право должно ограждать человека от насилия, уничтожения его достоинства, не допускать пыток, истязательств, произвола.

Правовой прогресс можно рассматривать с двух точек зрения: глобального (широкого) и конкретного (узкого). Глобальный подход связан с развитием человечества в целом, его правосознания, правовой культуры¹¹. В глобальном смысле протекающие в современном обществе правовые процессы наши последователи смогут оценить не скоро, не ранее чем через лет сто. В свою очередь, оценить наличие правового прогресса по сравнению с предыдущими столетиями мы можем. Как уже отмечено, мы пришли к выводу о наличии прогресса, что выражается в том числе запретом пыток, совершенствованием доказательственного права и пр.¹²

Узкий подход к изучению прогресса относится к конкретному (в основном современному) этапу развития человечества. Оценивать правовые процессы в узком смысле необходимо всегда.

В настоящий момент в правовой реальности наблюдаются как диффузия различных правовых систем, так и их дальнейшее разграничение, разделение; как перенятие опыта других стран в части правового регулирования, так и упорное следование страны «своим» курсом, игнорирование мировой практики; как внедрение пер-

¹¹ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность, 2013. № 11. С. 11–29; Захарцев С. И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики, 2012. № 2. С. 48–53.

¹² См.: Рохлин В. И., Захарцев С. И., Миронов М. А., Стуканов А. П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под общ. ред. В. И. Рохлина. СПб., 2007; Захарцев С. И., Чабукиани О. А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. СПб., 2010.

спективных научных достижений, так и полное игнорирование мнения ученых, их оттеснения от возможностей влиять на процесс формулирования законов; как четкое движение в направлении совершенствования правовой регламентации, так и, напротив, маятниковое движение, то есть принятие одной концепции, затем отход от нее и принятие противоположной концепции, потом опять возвращение к первой и т. д.; как издание нормативных правовых актов для «длительного использования», так и «под конкретное лицо».

В 2010 г. нами проведено весьма интересное исследование правового прогресса за последние двадцать пять лет.

Были опрошены 800 человек в возрасте от 50 лет, имеющие высшее образование. Из них 400 человек имели высшее неюридическое образование и не имели отношения к правовой сфере. Другие 400 человек имели высшее юридическое образование, работали в правоохранительных органах либо преподавали правовые дисциплины.

Возраст опрошенных людей был выбран не случайно. Если брать их минимальный возраст — 50 лет, то соответственно 25 лет назад (в 1985 г.) они все уже были взрослыми образованными людьми со сформировавшимся мировоззрением и системой ценностей. Хотя этот вопрос и не был задан, но скорее всего каждый из респондентов к двадцати пяти годам уже имел высшее образование или как минимум его получал. То есть каждый из опрошенных имел возможность достаточно объективно, аналитически «по-взрослому» оценить происходившие в России правовые процессы за прошедшие 25 лет.

Респондентам были заданы два вопроса:

Как, на Ваш взгляд, изменилось право, правовое регулирование за последние 25 лет? Что стало лучше, а что хуже?

Правовое регулирование за прошедшие 25 лет в целом улучшилось или ухудшилось?

Среди неюристов:

47 % опрошенных заявили, что право, по их оценкам, 25 лет назад было более справедливым, чем сейчас. При этом 41 % отметили, что в настоящее время судебное решение более зависит от денег, связей, статуса, административного ресурса, чем раньше.

34 % опрошенных отметили, что у человека сейчас появилось значительно больше возможностей изучать право самому и получить правовую информацию. При этом 50 % показали, что в настоящее время стало больше юридически грамотных людей, чем было ранее.

Однако 62 % показали, что право, по их мнению, стало более запутанным и противоречивым. И несмотря на доступность через Интернет правовых актов, в них трудно разобраться без помощи юристов-специалистов. А 59 % заявили,

что право сейчас стало не для людей в широком смысле, а для юристов, которые еще больше его запутывают, поскольку в праве отсутствует простота изложения.

27 % отметили как положительный факт, что в настоящее время по отношению к предыдущему стало значительно больше личных прав и свобод (в первую очередь свободы слова и передвижения). Но 18 % отразили, что сейчас, по сравнению с предыдущим временем, в праве забыты интересы государства и общества.

При этом 71 % показали, что 25 лет назад они чувствовали себя гораздо более защищенными правом, чем сейчас. Возможно, поэтому в отношении правового прогресса на прошедшем двадцатипятилетнем отрезке опрошенные высказались следующим образом:

— 54 % опрошенных заявили, что правовое регулирование за последние 25 лет в целом ухудшилось;

— 32 %, напротив, показали, что правовое регулирование улучшилось;

— 14 % затруднились с ответом¹³.

Опрос юристов дал следующие ответы.

68 % опрошенных заявили, что право стало более противоречивым, чем было ранее.

72 % сказали, что по сравнению с предыдущими годами значительно увеличился правовой массив. При этом 67 % опрошенных показали, что сейчас в силу необходимости сильно распространяется узкая специализированность юристов. Если 25 лет назад специализация не была столь очевидна и носила общий характер (например, специалист по уголовным делам и специалист по гражданским делам), то сейчас только в гражданском праве появился и развился десяток направлений, требующих глубины знаний по конкретным делам и случаям.

По мнению 34 % опрошенных, в настоящее время стало больше декларативных нормативно-правовых актов, не имеющих правового механизма реализации. В развитие этого 28 % обратили внимание на отсутствие или непроработанность, по сравнению с предыдущими годами, механизмов привлечения к ответственности за несоблюдение законов.

45 % сказали, что ранее право было более справедливым, чем сейчас, и в целом менее зависело от служебного положения, личных связей, денег. То есть ранее в праве было больше возможностей и шансов объективно и беспристрастно рассмотреть дело, спор и получить справедливый результат. О том, что сейчас правовое регулирование стало больше стремиться к справедливости, чем ранее, заявило всего 2 % юристов.

70 % отмечают значительно возросший за по-

¹³ Еще раз отметим, что среди не юристов опрашивались только люди с высшим образованием.

следнее двадцатипятилетие уровень правовой грамотности населения. Вместе с тем 47 % отметили резкое падение правосознания населения и стремление знать право для того, чтобы избежать ответственности.

73 % опрошенных показали, что в отличие от предыдущего времени сейчас в праве установился приоритет личных прав и свобод над общественными и государственными интересами. Однако 41 % опрошенных появившийся приоритет личных прав над государством оценивают не положительно и считают, что оптимального баланса соотношения личных прав и государственных, общественных интересов сейчас не имеется.

В отношении правового прогресса на прошедшем двадцатипятилетнем отрезке опрошенные юристы высказались следующим образом:

— 37 % опрошенных заявили, что правовое регулирование за последние 25 лет в целом ухудшилось;

— 36 % показали, что правовое регулирование улучшилось;

— 27 % затруднились с ответом.

Полученные результаты, думается, интересны всем: как юристам, так и неюристам, как участникам опроса, так и широким массам¹⁴.

Оценивая результаты, надо непременно иметь в виду, что за прошедшее двадцатипятилетие произошла коренная ломка существующего строя в России, значительно изменилось и законодательство (исследование, напомним, проводилось в 2010 г.). При кардинальных изменениях на первом этапе всегда возникают существенные противоречия законов, нестыковки нормативных актов, разные трактовки тех или иных событий¹⁵. На этапах ломки существующего строя, общественного бытия правовое регулирование, видимо, развивается регрессивно. Однако в дальнейшем оно выравнивается и двигается уже вперед. Представляется, что если бы мы проводили опрос вскоре после 1917 г. и последующей Гражданской войны, то правовое развитие тоже было бы названо скорее регрессивным, чем прогрессивным. Вместе с тем последующие годы принесли советскому праву и значительные достижения.

Мы уверены, что критика современного правового регулирования, во-первых, объективна, а во-вторых, многие из высказанных замечаний в дальнейшем будут устранены.

Результаты опроса важны тем, что на их основе можно выделить основные критерии правового прогресса. Критерии, важные именно для

права, волнующие не только юристов, но и всех членов общества.

Первое. Очевидно, что все ждут от права и правового регулирования **справедливости**. Постоянное достижение справедливости выступает одним из главных критериев оценки правового регулирования. Более того, справедливость дает уверенность в **защищенности** человека правом от противоправных действий. И абсолютное большинство людей оценивают право именно исходя из того, добились ли они справедливого, честного решения в правовом споре. В таком случае они чувствуют себя действительно защищенными¹⁶.

Показательно, что практически все юристы и не юристы, затронувшие тему справедливости, однозначно считают, что за последние 25 лет право и правовое регулирование стали менее справедливыми, стало меньше возможностей получить объективный и справедливый результат.

Второе. Правовой прогресс связан с **понятностью** нормативно-правовых актов, **простотой** их изложения. Сейчас, судя по всему, отпала необходимость в таком критерии, как правовая доступность. Нормативно-правовые акты через Интернет и другие коммуникативные средства стали доступны для всех. Однако другой критерий прогресса — понятность и простота правовых норм — стал еще более очевиден. Доступность текста нормативного документа вовсе не означает его понятность, простоту понимания и применения. Все люди, и не юристы, и юристы, стремятся именно к простоте изложения норм, а отталкиваясь от нее — к понятности нормы. Понятность и простота изложения являются важным шагом к преодолению правовой безграмотности, закреплению невозможности себя одурочить и, соответственно, к минимизации возможности совершения в отношении себя и своих близких неправомерных действия.

Известна фраза о том, что если бы законы были просты и понятны всем, необходимость в адвокатах отпала бы сама собой. Житейская логика и опыт человеческой жизни подсказывают, что мы никогда не добьемся того, чтобы законы были абсолютно всем понятны и просты для восприятия. Юристы за свою профессию могут не переживать. Однако стремиться к четкости, ясности и понятности правовых норм мы должны всегда. И это, несомненно, является важным критерием правового прогресса.

Третье. Говорить о правовом прогрессе можно только в случае, если правовые нормы носят не декларативный характер, а имеют четкий **правовой механизм реализации**. Опрос показал, что многие нормативно-правовые акты

¹⁴ См.: Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В. П. Сальникова. М., 2014; Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

¹⁵ Расхожая фраза «Не дай Бог жить в эпоху перемен» здесь очень уместна.

¹⁶ См.: Захарцев С. И. Право и истина // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 146–152.

не исполняются по причине того, что не выработан механизм их применения. Когда нормы только провозглашают что-либо и не более того, они становятся ширмой, за которой можно творить беззаконие. Такие нормы роняют авторитет права и закона в глазах законопослушных граждан, провоцируют их на совершение противоправных действий. Только четкий и последовательный порядок исполнения конкретных норм позволяет прийти к искомому результату — законности.

Четвертое. Критерием правового прогресса является **уровень правосознания и правовой культуры** человека. Если право во всем его многообразии и государство смогли добиться повышения уровня законопослушности населения, то это, несомненно, является важным критерием правового прогресса и как свершившегося факта, и как базиса для дальнейшего развития.

И напротив, низкий уровень правосознания показывает недоверие населения к праву, сомнения в его возможности. При таких обстоятельствах говорить о правовом прогрессе несерьезно и нелепо. От подобного права не будут ждать справедливости и защиты; его понятность будет вызывать у населения усмешку, так как независимо от требований норм закон соблюдаться не будет; правовой механизм реализации норм никого не заинтересует.

Этот критерий можно определить также как **уровень доверия** к праву.

Следует сказать, что опрос показал и другие моменты, требующие осмысления и соответствующих корректировок в правовой политике. В течение последних 25 лет человек, его жизнь, права и свободы признавались высшей ценностью. Многие специалисты считали заслугой современности приоритет прав человека над общественными правами. Это заметно населению: как юристам, так и не юристам. Однако отношение к такому положению дел, как показал опрос, далеко не однозначное. Во-первых, из не юристов на приоритет личных прав обратили внимание не такое значительное количество респондентов, и большинство из них сказали, что сейчас в праве забыты интересы государства и общества. Среди юристов факт приоритета прав личности над общественным отметило значительное количество. Но и в данном случае, что показательно, большинство специалистов оценили данный приоритет не положительно и отметили, что оптимального баланса соотношения личных прав и общественных интересов сейчас не имеется.

Перед опросом мы полагали, что защита прав человека, приоритет прав человека станут одним из критериев прогресса. Однако исходя из результатов опроса надо признать, что приоритет личного над общественным не только не считается прогрессом, но и, по мнению некоторых, свидетельствует о регрессивности правового

регулирования. Возможно, что в других странах это выглядит по-другому. Но в России, о чем не раз говорилось, права государства и общества в шкале значимости традиционно располагаются не ниже, чем личные права.

В связи с этим не ясно, можно ли выделять в качестве критерия правового прогресса наличие **разумного баланса между интересами личности, общества и государства?** В предложенной нами формулировке, наверное, можно. Но с обязательным условием того, чтобы названный баланс был действительно воспринят населением и обществом.

Поэтому можно сказать, что диалектика показывает, что, с одной стороны, логично и правильно стремиться установить четкую правовую регламентацию всех правовых отношений. С другой стороны — люди стремятся к краткости и понятности нормативно-правовых актов, а отнюдь не к их «разбуханию», сложности, тяжести восприятия, что неминуемо при увеличении правового массива. Это диалектическое противоречие находится в центре правовой регламентации и требует серьезного изучения философией права¹⁷.

Одновременно с этим сейчас наблюдается явное накопление правовых знаний, увеличивается их количество. При этом перехода в качественно лучшее измерение пока не происходит. Однако очевидно, что мы на пути перехода от количества нормативно-правовых актов именно в сторону их качественного улучшения, упрощения, облегчения применения.

Таким образом, основными критериями правового прогресса являются:

- достижение справедливости в правовых решениях, защищенность человека правом;
- понятность нормативно-правовых актов, простота их изложения;
- четкий правовой механизм реализации норм;
- уровень правосознания и правовой культуры, уровень доверия к праву;
- наличие разумного баланса между интересами личности, общества и государства.

Изложенные выше исследования и выводы позволяют отдельно порассуждать о ценностях права.

Вначале надо сказать, что по вопросу о том, что есть ценности права, теоретики и философы права к единому мнению традиционно не пришли. Называются самые различные подходы. Но хотелось бы обратить внимание на следующее.

В одном из последних учебников по философии права, изданном под редакцией уважаемого М. Н. Марченко, понятия ценностей и ценностей

¹⁷ Захарцев С. И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. 2012. № 7. С. 122–131.

права даны весьма субъективно. Автор глав о ценностях, доктор философских наук В. Н. Жуков, случайно или принципиально отошел от принятого в обществе подхода к ценностям как важности, значимости, пользе, полезности чего-либо. При написании параграфа глав он базировался на принципиально другом подходе, согласно которому «в широком смысле под ценностями обычно понимают явления действительности (факты идеального и реального мира), имеющие **то или иное** [выделено нами — С. З.] значение для общества, его групп или отдельных людей»¹⁸. Далее он пишет, что деление ценностей на позитивные и негативные принимается далеко не всеми. Если под ценностью понимать некую полезность, то негативных ценностей быть не может. Но если исходить из понимания ценностей как явлений действительности, имеющих какое-то значение для людей, то признание негативных ценностей вполне оправданно¹⁹.

Подход, изложенный В. Н. Жуковым, действительно имеется в философии. Он связан с мировоззрением мыслителей о том, что многие общественные явления могут позитивно восприниматься одними и негативно — другими. То есть одно и то же явление является позитивной ценностью для одних и негативной ценностью для других. На основании этого отдельными философами формулировался вывод, что нет ценностей, которые только позитивны и только негативны, исходя из чего ценности предлагалось рассматривать как противоречивое явление.

Однако такой подход разделяют далеко не все философы. И в первую очередь потому, что явления и ценности нельзя считать синонимами. К разным явлениям действительно можно относиться по-разному — это так. Но слово «ценность» специально выделено как понятие, изначально имеющее позитивное значение, позитивную окраску. Под ценностью понимается тот предмет или явление, позитивное значение, польза и значимость которого уже доказаны и оценены. В отношении таких предметов (или явлений) говорится, что они полезны. Ценность есть оценочная, а точнее — позитивно оценочная категория явления или предмета. Для негативных оценок в науке и русском языке существуют другие термины, но вовсе не слово «ценность». Иначе общество запутается в понятиях.

Для права предложенные В. Н. Жуковым рассуждения о негативных ценностях вообще не приемлемы. Ибо тогда всерьез придется рассуждать о ценности преступления, в том числе ценности терроризма, умышленных убийств, людоедства, издевательств над детьми и т. д. Для

чего при описании таких действий употреблять всем понятное слово «ценность» не ясно. Зачем такие явления, как каннибализм и действия маменька, насилующего и убивающего детей, оценивать как «негативную ценность»? Нам кажется, что рассуждения В. Н. Жукова близки к софистике, либо он не до конца разобрался, что такое право.

Кроме того, такое явление, как преступность, всегда однозначно негативно воспринимается всем обществом и правом, что четко опровергает теорию отдельных философов, утверждающих, что все явления противоречивы. Если гипотетически предположить, что и преступность имеет позитивное значение, то мы потеряем смысл самого права, правоотношений.

И наконец, совсем не понятно, для чего названные рассуждения В. Н. Жукова размещать в учебнике! Описанный им подход к ценностям, как уже отмечалось, многими философами не поддерживается. И мы их мнение разделяем.

Надо сказать, что цитируемый учебник по философии права под редакцией М. Н. Марченко получился весьма полезным и содержательным. Он достоин положительных оценок. Но третий раздел, написанный В. Н. Жуковым и посвященный аксиологии государства и права, в учебнике, на наш взгляд, не удался.

Мы также не согласны с подходом, что право философией права само по себе рассматривается как ценность. Право — многогранное, противоречивое явление. Однако в этом нет его ценности. Напротив, любой человек и любое общество хотят, чтобы оно было непротиворечивым, понятным и легко реализуемым.

При этом право само по себе, без людей и без жизни, совершенно не имеет никакой ценности. На этот, казалось бы, несложный вывод, следует обратить внимание вот почему. Существование человека и человечества на Земле, несомненно, является ценностью само по себе. Если взять ступень ниже и определить, какие ценности имеются *в жизни*, то этот перечень может быть очень длинным и, конечно, индивидуальным. Здесь и здоровье, и работа, и отдых, и семья, и друзья, и книги, и наука, и образование и т. д., и т. п. Но может ли относиться к таким ценностям право? На наш взгляд — нет, по той простой причине, что право, как уже отмечалось, является обязательным спутником человеческого существования. Без права, даже установленного человеком для себя самого, он банально не сможет существовать. Тем более без права, пусть даже на примитивном уровне правовых обычаев, не может существовать ни одно общество. Так же как человек не может существовать без пищи и воздуха. Является ли воздух ценностью для человека? Ценностью является *чистый* воздух. А сам по себе воздух — это скорее не цен-

¹⁸ Философия права. В 2-х т. Т. 1. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2014. С. 301.

¹⁹ Там же: С. 322.

ность, а просто необходимое средство существования. Не будет воздуха — не будет и жизни. Равно как ценностью является *здоровая полезная* пища. Но сама пища — лишь обязательное средство существования человека и человечества.

Так же и право само по себе есть обязательное условие жизни человека и общества. Не будет у человека права, хоть каких-нибудь норм, определяющих его жизнедеятельность, — он не сможет выжить. А вот *справедливость* права, *простота и понятность* его норм и т. д. — уже ценности права.

Может быть, для разрешения проблем аксиологии права исходной точкой сделать выработанные основные критерии правового прогресса: справедливость в правовых решениях, защищенность человека правом, понятность нормативных правовых актов, простота их изложения, четкий правовой механизм реализации правовых норм? Ведь именно они особо значимы для общества, людей и конкретного человека. А право, как отмечалось, нужно не само по себе, а для людей.

Список литературы

1. Альбов А. П. О понятиях и категориях в философии и теории права (или Что отличает науку от мнений в науке) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 46–59.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2007. Т. 3.
3. Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В. П. Сальникова. М., 2014.
4. Захарцев С. И. Право и истина // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 146–152.
5. Захарцев С. И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. 2012. № 2. С. 48–53.
6. Захарцев С. И., Сальников В. П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.
7. Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.
8. Захарцев С. И., Чабукиани О. А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. СПб., 2010.
9. Захарцев С. И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. 2012. № 7. С. 122–131.
10. Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса: Собр. соч. СПб., 1912. Т. I. История с философской точки зрения. С. 122–123.
11. Рохлин В. И., Захарцев С. И., Миронов М. А., Стуканов А. П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под общ. ред. В. И. Рохлина. СПб., 2007. 409 с.
12. Толковый словарь русского языка / А. Е. Баханьков, И. М. Гайдукевич, П. П. Шуба. Мн., 2000. С. 281.
13. Философия права: в 2 т. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2014. Т. 1. С. 301.
14. Шугуров М. В. Феномен легитимности права: философско-правовое осмысление // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 86–103.

Concerning Legal Progress As a Philosophic-Legal Problem

Zakhartsev S. I.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Theory and History of Law and State Chair of Moscow state University of technologies and management named after Razumovsky K.G., Doctor of Juridical Science

e-mail: Sergeyivz@yandex.ru

Sal'nikov V. P.,

Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science of Russian Federation,
Honored Worker of Higher Professional Education in Russian Federation,
e-mail: Fonduniver@bk.ru

Annotation. Authors of this article are from the first scientists who devoted their works to legal progress and its content. Legal progress is analyzed from philosophic and philosophic-legal positions. On the basis of implemented research, authors formulated criteria of legal progress.

Key words: philosophy, law philosophy, law theory, progress, legal progress.

References:

1. Albov AP O concepts and categories in philosophy and legal theory (or what distinguishes science from opinion in science) // Russian Journal of Legal Studies. 2014. №4 (1). S. 46-59
2. Dal VI Explanatory Dictionary of Russian language: F — V. 4. T. — M.: Gos. foreign publishing house. and nat. words., 1955. — 683 c.
3. Zakhartsev SI Some problems of the theory and philosophy of law / Ed. V. Salnikov. M., 2014;
4. Zakhartsev SI right and true // The world of politics and sociology. 2012. № 9. Pp. 146–152.
5. Zakhartsev SI Legal awareness: concept and levels // Disclaimer modern economy, 2012. № 2. Pp. 48–53.
6. Zakhartsev SI, Salnikov VP Sense of justice lawyer and legal nihilism: modern problems of professional deformation // laws: history and modernity, 2013. № 11. Pp. 11–29;

7. Zakhartsev SI, Salnikov VP philosophy. Philosophy of Law. Jurisprudence. — M., 2015.
8. Zakhartsev SI Chabukiani OA Operative-search measures and investigative actions: concepts and relationships. — SPb., 2010.
9. SI Zakhartsev Philosophy of Law: Some Thoughts on the subject // The world of politics and sociology. 2012. № 7. Pp. 122-131.
10. Kareev NI philosophy, history and theory of progress // Coll. Op. T. I. Background from a philosophical point of view. — SPb., 1912. — Pp. 122–123.
11. Rokhlin VI, Zakhartsev SI, Mironov MA, Stukanov AP Institute of Rehabilitation in the Russian legislation / under total. Ed. V. Rokhlin. — SPb., 2007. 409 pp.
12. Dictionary of Russian / AE Bakhan'kov, IM Gaydukevich, PP Shuba. — Mn. 2000 — 281 pp.
13. Philosophy of Law. In 2 t. T. 1 / Ed. MN Marchenko. — M., 2014. S. 301.
14. MV Shugurov The phenomenon of the legitimacy of the law: the philosophical and legal interpretation // Russian Journal of Legal Studies. 2015. №1 (2). Pp 86-103